

Ольга Шенфельд

* * *

Глаза Рахели серо-голубые.
Семь лет других — за старшую рабыню,
За младшую, за стены, за стада,
За детские кудряшки под рукою,
За сладкий час вечернего покоя...
Гора мерцает сполохами льда,
Струится синевой и позолотой.
Не выходи под утро за ворота,
Она прекрасна издали — гора,
Заговорит — и будет очень страшно.
Да будет день похожим на вчерашний.
Не обжигай ладони у костра,
Тебе не одолеть пустынный холод.
Лаван не вечен, он уже немолод,
Не пережить Рахели суховей.
Семь лет других. Отсрочка за отсрочкой.
Зато достойно замуж выдашь дочку
И всех пересчитаешь сыновей.

Часовщик

И когда внутри ледяная крошка,
В часовую будку ведет дорожка.
«Время чинят. Будет других не хуже...
...Клеопатра в лучшем нуждалась муже.
А царица Савская все же краше...»
Достает пинцетом из медной чаши
Шестеренки, гнутые завитушки.
«...Не таким уж был коротышкой Пушкин,
(В первом классе — да, не по росту парта),

Врут о нем, как ввали про Бонапарта,
Я обоим был до виска, не больше...
Что? Погромы? Нынче? Вы были в Польше
В прошлом веке? А... тяжело смеяться.
Через сотню лет устаешь бояться,
А когда проходят тысячелетия....
Если б только были бессмертны дети».

В бороде пружинку концом мизинца...
«Время чистят, слишком оно пылится.
На макушке лысина — так прохладней.
А была чернее, чем виноградник
И кудрявей. Помните «Песню песней»?
Столько тысяч лет не видал чудесней
Той горячей, смуглой, певучей кожи.
Вы похожи. Бледная, но похожи.
Есть у каждой женщины это чудо.
Не смущайтесь. Время придет, забуду.
Где кольцо? В шкатулке. Я стал стесняться.
Сочинили столько, такие манцы —
Все поэты. Нету для них закона,
Меньше врут о росте Наполеона.

«Все проходит». Верно. «Пройдет и это» —
И опишет круг, и вернется в лето,
Виноградник девочки-недотроги...
Все проходит. Вновь. По другой дороге.
Нет, не память — души хранят усталость.
Мир разрушит то, что еще осталось,
И опять построит, и вновь разрушит.
Нет, не мудрость — Он переводит души
По золе времен, по воде Завета,
Сквозь кольцо с печатью «Пройдет и это».

Коротышка

Чтобы дети родили других детей,
И праправнук однажды придумал порох,
Чтобы кто-то в рифмованных разговорах
Оттолкнулся от мелких моих страстей,
Чтобы встреча — случайно, через года, —
Повлияла на тайную вязь событий,

Я живу, никаких не свершив открытий,
И уйду, никому не сказав куда.
Коротышка. Не Пушкин, не Бонапарт,
Не этаж мироздания — так, песчинка,
Я скольжу по последним неровным льдинкам,
И течет по губам золоченый март.
И обидно — до детских горячих слез,
И смириться могла бы — но в чем смирение?
Мы не звенья... хотя бы не только звенья.
Ты позволишь себя принимать всерьез?

Март

Пора гортани набухать,
Сочиться черно-синей влагой
На позабытую бумагу...
Вдруг заучить слова на «ять»,
Шкатулку с перстнем и пером
Отрыть в чулане захламленном
И жить привычно-удивленно
В России, срубленной Петром.
Леса и мрамор, серый дождь,
В углу борзая на лежанке,
Здесь в каждой барышне-крестьянке
Ты ни черта не разберешь,
Но беспризорный рой стихов
Кружится белыми ночами
Над незажженными свечами
До крика красных петухов —
Не для меня, не обо мне.
Воспоминание как кража.
Стволами голыми Лепажа
Сверкает роща при луне,
И в речь так хочется вплетать
«Отнюдь», «гораздо» и «сугубо».

Что мне надутая Гекуба,
Чужие сны, слова на «ять»,
Тоска бессолнечного дня,
В садах черемуха и мята?
Как будто я ищу возврата
Туда, где не было меня.

Выжить

Разбить свой день на мелкие дела,
Растить детей, заботиться о близких,
Как будто не плодятся обелиски,
Как будто не звонят колокола.

Иначе бездна. Беспредельный ад.
Запекшиеся ненавистью губы.
Храни себя. Как неразменный рубль
Храни себя. Пока не виноват.

Хотя бы на мгновение поверь,
Что в мире есть твои любовь и воля.
Не отдавай души вселенской боли —
Насытиться не может этот зверь...

Шагаловское

Если бы я этим миром владела как словом,
Я отыскала бы в нищем местечке портного.
— Хватит, старик, поработал на добрых людей.
Хочешь корону, любую? Бери и владей.

С трона поведаешь людям бессонные думы,
Будешь законы кроить как чужие костюмы,
Деликатесы привыкнешь на золоте есть...

— И почему мне такая великая честь?
Маленьким людям не нужно чужого мундира.
Дети здоровы, так я уже царь полумира.
Внуки здоровы — я целого мира король.
Мне б до рассвета управиться с этой дырой,
Чтоб на изнанке заплатку никто не заметил.

А представляете, дырка случилась в бюджете?
Или граница ползет и сечется у шва?
Пусть уж о хлебе без масла болит голова.
Может, хотите покушать? Осталась горбушка.
Вы положите корону пока на подушку —
Скоро найдется какой-нибудь юный дурак,
А на меня не сердитесь. Я людям не враг.

...В розовом небе рассыпались рыбы и птицы,
Подняли козы печальные нежные лица,
Скоро покатится рыжий кудрявый парик.
Ты никогда ни о чем не жалеешь, старик?

* * *

В день оплаченных долгов
Я уйду, себя жалея,
По волнистой галерее.
Не слышат шум шагов

Ни подруги, ни враги —
Не дано ни тех, ни этих.
Вспомнят выросшие дети,
Но не скажут: «Помоги».

Всем раздам, кого люблю,
До последней мелкой меди.
Ни трагедий, ни комедий
Не устраивай, молю.

Я всегда была одна
И всегда была любима.
Горстка праха. Струйка дыма.
Дети, внуки, письма.

Ольга Шенфельд, родилась в Киеве, в настоящий момент живет в Чикаго. Работает программистом. Печаталась в местной периодике и онлайн. Вышли две книги стихов «Взросление» и «Голос».